

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 1-й

Фабрика новых писателей
**(из истории литературной жизни Орловщины
во второй половине 1920-х – конце 1930-х годов)**

БУКОО "Орловский Дом литераторов"

Орёл-2012

УДК 82-1
ББК 84(2p)6
В 38

Вестник Орловского Дома литераторов. Выпуск 1-й
В 38 Фабрика новых писателей / Из истории литературной
жизни Орловщины во второй половине 1920-х – конце
1930-х годов / Под ред. А.И. Кондратенко / – Орёл, ПФ
«Картуш», 2012. – 68 с.

УДК 82-1
ББК 84(2p)6

© Орловский Дом литераторов, 2012
© ПФ «Картуш», 2012

**Фабрика новых писателей
(из истории литературной жизни Орловщины
во второй половине 1920-х – конце 1930-х годов)**

Период после Октябрьской революции 1917 года – особый этап в развитии литературы в Орловском крае: время отрицаний, многочисленных экспериментов, весомых потерь и весьма скромных достижений. Становление в регионах литературы нового типа, литературы социалистического реализма в последнее время редко становится предметом пристального исследования. Цель этой статьи – в какой-то мере восполнить пробел, обозначить основные контуры литературного процесса в Орле в середине 1920-х – конце 1930-х годов.

Иные времена, иные песни

В это время Орёл потерял статус губернского центра (1928) и на протяжении нескольких лет был районным центром Центрально-Чернозёмной, а затем Курской области. В городе после 1928 года издавалась всего одна газета («Орловская правда»), отсутствовали какие-либо литературные журналы, альманахи. Многие представители творческой интеллигенции покинули город, а среда для становления новых авторов только начинала формироваться (например, первый вуз появился в Орле в начале 1930-х).

В статье А. Германо «Из записной книжки местного писателя» отмечалось, что почти все начинающие орловские поэты и прозаики в первые годы советской власти печатали свои произведения на страницах ежедневной прессы¹. В 1920-е годы центрами литературной жизни Орла и губернии становятся редакции газет, при которых создаются литературные кружки, объединения. «Пролетарская мысль» (1920), «Литературный кружок» (1921), «Тургеневское научно-литературное общество» (1922), «Ярь» (1924), «Чернозем» (1925) — это далеко не полный их перечень.

Иван Селихов — организатор кружка «Пролетарская мысль» писал в журнале «Свободный путь» (1920): «Такие кружки в данное время просто необходимы. Народ проснулся от своей вековой спячки и начинает жить духовной жизнью, начинает выдвигать из своей среды богато одарённых самородков, — и вот этим-то жемчужинам глубоко всколыхнувшегося народного моря необходимо на первых порах помогать выйти на открытый, широкий путь духовного творчества». Вторил ему и бывший преподаватель орловской гимназии Сергей Горовой: «Наша пролетарская революция внесла большое оживление в провинциальную жизнь. В прежнее время культурная деятельность ключом была только в столицах и других крупных городах. Теперь не то: в маленьких городках, в сёлах, в деревнях — везде зашевелились и стали проявлять себя местные силы из пролетарской среды <...> обновляют русскую культуру, внося в неё новый свежий материал, иногда даже новые приёмы творчеств, пробуя новые пути»².

В июле 1921 года в Орле была организована литературная секция ЛИТО, куда вошли 42 литератора: 24 поэта и писателя, остальные — научные работники. В Орле тогда жили и работали крупнейший ученый-востоковед Н. Конрад; А. Германо; поэт, переводчик, секретарь Всероссийского Союза поэтов Е. Сокол; тургеневед, первый директор Тургеневского музея М. Португалов. В 1922 году вышел в свет «Зелёный шум: Сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии». Здесь были помещены рассказы, стихи и пьесы 19 авторов. Если проанализировать список имён, то окажется, что практически никого из них мы уже не можем встретить среди имён орловских литераторов 7–10 лет спустя: отряд творческой интеллигенции значительно поредел. Например, в начале 1920-х из Орла уехали Евгений Сокол, Николай Браун, Валерий Кирпотин, Борис Бронштейн, Илья Лукашин, Лев Овалов, Борис Леонов³, в мае 1926-го года — Александр Германо. В том же, 1926 году, умер Иван Селихов, в 1927-м — Михаил Португалов. Прочно обосновался в эмиграции Иосиф Каллиников.

1920-е годы были временем острого идеологического противоборства, что отрицательно сказывалось на условиях творческого развития. Коммунистическая партия, местная пресса предъявляли весьма жёсткие требования к трудящимся на духовной ниве. Так, весной 1922 года орловская губернская газета рассказала о прошедшем в Центроклубе «литературно-общественном суде» над местными театрами. Обвинительный акт гласил: «Орловские театры в лице своих идейных руководителей не оправдали возложенного

на них общественного доверия». В вину им были поставлены «безыдейность репертуара и неумелая режиссура»⁴.

Литературный критик Л. Плоткин, составляя обзор литературной жизни Центрального Черноземья, акцентировал внимание на том, что на смену прежней дворянской литературе должна прийти литература рабочая, крестьянская: «До бурливых дней Октября только один крестьянин из скудных чернозёмных полей вошёл в обетованную землю большой литературы – Иван Вольнов <...> Десятки дворян - писателей – и один крестьянин. Цифровое соотношение рельефно запечатлело смысл дооктябрьской эпохи <...> Совсем иное теперь. Иные времена, иные песни»⁵.

Действительно, имя Ивана Вольнова стоит особняком и в дореволюционной литературе, и в литературе 1920-х. В эти годы он жил в родном селе под Орлом, местные крестьяне избрали его председателем артели (позднее – колхоза). В письме к И. Вольнову от 23 января 1925 года Максим Горький спрашивал: «Издаётся в Орле газета? Нельзя ли высылать её мне? Был бы очень благодарен»⁶. Вскоре он стал получать «Орловскую правду» - её регулярно посылали в Италию.

В середине 1920-х Вольнов пишет цикл очерков «Самара», затем повесть «Встреча» (1927, опубликована в журнале «Молодая гвардия»). В основе повести – события в Поволжье в 1918 году. Были написаны также очерки «Мужицкая артель», «Новая деревня», «Новая земля», рассказы «Батя на празднике», «Эпитафия». Вольнов часто ездил в Москву, а зиму 1928–1929 года провёл у М. Горь-

кого в Италии, где написал повесть «Возвращение». Был у него и замысел романа «Новая деревня», но в январе 1931 года Иван Вольнов погиб.

Основой для «рекрутирования» новых литературных сил стал отряд рабочих и сельских внештатных корреспондентов газет. В заметке М. Киреева «Орловская группа «Ярь»⁷ отмечалось, что эта группа возникла в 1924 году по инициативе редакции газеты «Правда молодёжи»: «Еженедельно по понедельникам в зале Дома Просвещения или в издательстве «Красная книга», а в последнее время в редакции «Орловской правды» устраивались литературные собрания. Литераторов, уже печатающихся, в «Яри» только 11 человек, а начинающих (в большинстве молодёжь) – 14, из них 8 – комсомольцы». Заметим, что «Ярь» иногда заседала и в губкоме комсомола.

За год состоялось более 20 собраний «Яри», столько же на них было прочитано различных произведений. Как пишет в своей заметке М. Киреев, на собраниях группы выступали А. Германо, Корней Осипенко, Н. Басов, С. Тарасевич, В. Хохлачёв, Парахин, Булгаков, А. Шашкин, С. Чекулаев, Е. Сокол, И. Старицкий, К. Ковалевский. А участник Всероссийского совещания пролетарских писателей Н. Переверзев рассказал на одном из собраний об участии в совещании, о вопросах на нём обсуждавшихся. М. Киреев подчеркнул: «Фактически «Ярь» является отделением ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей. – А.К.): основное ядро и молодёжь группы солидарны с программой этого объединения»⁸.

В феврале 1925 года в Орле сформировалась также группа писателей «Чернозём» (литгруппа при губернском бюро секции работников печати), в которую вошли Ф. Захаркин, И. Селихов, А. Германо, П. Поползунов и другие. Эта группа, в отличие от других, привлекала к участию в своей работе и старую интеллигенцию. Группа сразу же поставила вопрос об издании в Орловской губернии литературно-художественного журнала, в котором начинающие писатели могли бы показать свои способности. И уже в мае 1925 года в Орле вышел в свет первый номер литературно-художественной журнала «Новый путь». Ответственным редактором журнала был назначен старый коммунист Ф. Захаркин. Тираж первого номера 2000 экз. окупился частично благодаря помещённым в нём объявлениям торговых предприятий (отметим сразу, что второй номер так и не вышел в свет).

Журнал открывался приветствием 5-му всесоюзному съезду работников печати. Одновременно это было и обращение редакции к читателям нового издания. В нём подчеркивалось: «Переход талантливых селькоров и рабкоров от писания несложных заметок к художественному творчеству бывает зачастую довольно труден без помощи более опытных товарищей-литераторов. Облегчить этот переход – является основной задачей литературной группы при Губбюро секции работников печати <...> Выпускаемый литературной группой журнал «Новый путь» и будет содействовать творческой работе начинающих пролетарских писателей, как товарищескими советами, так и помещением на страницах журнала их произведений.

Журнал «Новый путь» будет школой для рабкоров и селькоров, стремящихся к литературной деятельности. Он поможет выявлению их художественных дарований.

Ближе к своему журналу, рабкоровская и селькоровская рать!»

В номере были опубликованы стихи И. Селихова, Н. Шевлякова, рассказ И. Каллиникова «Земля», рассказ Ив. Мулова «Отец и сын», рассказ Ф. Захаркина «На шахте № 2», а также «картинка в одном действии» П.И. Поползунова «Змей ползучий». В разделе литературоведения и критики были помещены статья А. Светозарова «Задачи и пути современной литературы»⁹, этюды о самородках И. Селихова «Души живые», советы начинающим стихотворцам бывалого литератора Дяди Серёжи «Творческая работа», статья И. Лебедева «Тургенев и крепостное право».

Редакция была верна своему кредо поиска новых творческих сил. В этом русле было, например, и такое объявление:

«Присылайте частушки.

Редакция журнала «Новый путь» просит своих читателей присылать ей для издания отдельной книжкой частушки, присказки, прибаутки, «страдания» и прочие песенки, распеваемые деревней.

Адрес: Орёл, Дворец Труда, комн. 28, А.В. Герман».

Однако группа «Чернозём» оказалась недолговечной. В отличие от неё, «Ярь» стремительно набирала силы. Приведём в доказательство текст документа. В резолюции Агитпропа Орловского губкома

ВЛКСМ по докладу о работе литературной группы «Ярь» (октябрь 1926) подчёркивалось:

«1. Существование литгруппы «Ярь» как организации начинающих рабоче-крестьянских писателей считать необходимым.

2. Учитывая рост запросов рабоче-крестьянской молодежи к художественной литературе и творчеству и группирование вокруг «Яри» творческой молодежи, редакция «Правды молодежи» и комсомольские комитеты должны оказывать группе всемерное содействие, способствуя вербовке в группу творчески себя выявляющей части комсомольцев и беспартийной рабоче-крестьянской молодежи.

3. Для популяризации группы, для демонстрации ее достижений, а также для приближения литературы к трудящимся массам и комсомолу и трудящейся молодежи нужно больше практиковать литературные вечера в рабочих клубах, школах, читальнях-библиотеках и прочих культурно-просветительных учреждениях, используя прежде всего для борьбы с непролетарским влиянием на молодежь, особенно в литературной форме»¹⁰.

В ноябре 1926 года был зарегистрирован устав группы «Ярь» при газетах «Орловская правда» и «Правда молодежи», объединившей десять человек.

Писатели из народа

Ныне крайне мало известно о большинстве начинающих орловских литераторов рубежа 1920-1930-х годов. Попробуем восполнить этот пробел, подробнее рассказав об этих людях.

В воскресных номерах «Орловской правды», в литературных страницах «Правды молодежи» большой популярностью пользовались очерки, стихи и рассказы Михаила Киреева, Николая Басова, Николая Бормотова, Сергея Орловского, Николая Шевлякова, в числе авторов были также Александр Хорьков, Иван Харитонов, Береговой, Андрей Лунин, А. Целинов, Михаил Щёлоков, Валерий Харин, Серафим Чекулаев, В. Хохлачёв, Алексей Афанасьев.

Как вспоминал несколько десятилетий спустя И.А. Искра, «душой группы [«Ярь»] был Киреев М.М., этот умный и рассудительный орловский мужичок. Главное – Киреев самородок, довольно литературно начитанный и образованный человек, очень серьёзно относился к литературному труду. Он не стеснялся ковыряться в любой навозной куче, отыскивая золотое зерно»¹¹. Обращение к помещённой в сборнике «Писатели ЦЧО» (1934) автобиографии М.М. Киреева позволяет несколько дополнить его биографический очерк, опубликованный в хрестоматийно известном справочнике «Писатели Орловского края»¹². Так, например, сам Киреев в первых же строках указывает, что «родился в середняцком дворе – в с. 1-е Подчернево Калугинского прихода, Тельченской волости...» Важно его указание на первые годы учёбы: «До революции учился в приходской школе, немного – в уездном начальном училище в Болхове, совмещая учёбу с работой в сельском хозяйстве»¹³. Также писатель сообщил о том, что в его планах в первой половине 1920-х годов была и морская служба: «Командировка в Балтфлот, - по физическим

недочётам возвращение назад». И ещё одна примечательная деталь: Киреев в перечне своих прежних мест работы указал не только редакции газет «Правда молодёжи» и «Орловская правда», но и крестьянской газеты Орловской губернии «Наша деревня» (этот факт, насколько известно, в статьях о Кирееве и об истории орловской журналистики в последние десятилетия не упоминался).

Заметной фигурой местной литературной жизни был и поэт Серафим Чекулаев, работавший в середине 1920-х годов ответственным секретарём губернской пионерской газеты «Красный галстук». 6 января 1926 года в «Орловской правде» Чекулаев напечатал стихотворение «На смерть Есенина» («Был в стихах для многих капитаном...»). В последующие годы жил Москве, печатался в столичной периодике, но часто приезжал в Орёл. И.А. Искра отметил его среди других начинающих: «Он смело взбирался тогда на Парнас»¹⁴. Учился Чекулаев, судя по тексту писем к И.А. Искре, на ВГЛК. По всей вероятности, эта аббревиатура расшифровывается как Высшие государственные литературные курсы Московского управления профтехобразования - вуз с 4-годовичным сроком обучения, преемник Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова (1921-1925), существовал в 1925-1929 гг.

23 февраля 1929 года Чекулаев писал своему товарищу по литературной работе: «Да, брат, сознаюсь, живу скверно. Перебиваюсь, как говорят, с хлеба на квас в надеждах на будущее. Печатаюсь... увы и ах! – зато много пишу, много работаю. Сначала хочу стать литературно-

грамотным субъектом, потом уже – если Господь-Бог дарует мне такое счастье! – объектом для наблюдения в литературных салонах и кафе. Стипендия 25 [рублей], живу на 40. Значит, 15 где-то надо добывать, нахальством или вежливостью – не всё ли равно. Когда хочется жрать, нахальство – это самая достойная вежливость... для самого себя. Да... совсем было забыл! В члены вашей ассоциации [пролетарских писателей] запишусь с удовольствием»¹⁵. А вот выдержка из письма от 3 мая 1929 года: «Зачёты отбивают от всего. Некогда ни писать, ни думать, ни скучать, ни печалиться. Жду гонорара как избавления. Постарайся, дружище! Век буду благодарствовать»¹⁶.

Старый знаток словесности С.И. Горовой выделял среди орловских литераторов уроженца одной из пригородных деревень (если судить по рассказу «В город», это была Кузьмичёвка) Николая Шевлякова: «Шевляков – самый интеллигентный <...> К сожалению, скромный, застенчивый, не умеющий добиваться «своего», он мало печатался и совершенно недостаточно известен читающим <...> Его стих - лёгок, музыкален, гладок, изящен. Его художественный рисунок тонок, красив, отделан <...> душа у него удивительная: всепрощающая, а в то же время и стойкая, неисчерпаемо-мужественная, безгранично-выносливая <...> Шевляков принадлежит к тем поэтам, которые напоминают и ясно показывают, даже и в самые мрачные, тяжкие дни, что <...> есть в душе человека идеалы правды и добра, в жизни – счастье и красота <...> такие поэты нужны не менее сатириков и обличителей»¹⁷.

Из Брянска приехал в Орёл Михаил Щёлоков. О себе он сообщал в феврале 1929 года: «Раньше работал в Брянске. Печатаюсь 5 лет. Кроме провинциальной печати, печатался в «Комсомольской правде», в «ЧИП-е», в нескольких сборниках, в «Смене» и др.». На этом тексте сохранилась приписка Михаила Киреева: «Щёлоков – член Брянской АПП. Теперь работает у нас. Печатается давно»¹⁸.

Часто встречаются в периодике тех лет стихи рабочего, а затем журналиста А. Целинова. Вот строки из его письма конца 1920-х годов: «Живу в деревне, не крестьянствую; работаю на заводе кирпичном, где тоже крестьяне-отходники, в каждую косточку пропитанные собственнической идеологией (лишь бы побольше заработать, а остальное хотя не будь). Вот где я нахожусь в течение 6-ти лет, вот где приходится «выковываться». Кузница, как видишь, неважная, отсюда и «тупик»... Правда, теперь, в период безработицы, начал сматывать растянувшиеся обрывочки слабо связанных воображений. Выкраиваю, как могу, и сшиваю, хотя, ой, далеко не прочно ещё!»¹⁹

Мотивы уныния, обусловленного житейскими обстоятельствами и давлением мещанского окружения, характерны для многих начинающих литераторов той поры. Например, Алексей Афанасьев писал: «В Орле я совершенно теперь одинок и сильно одинок»²⁰. А будучи в июле 1928 года в курской Обояни, откуда он родом, сетовал: «Вообразите: мещанский городок – полон житейской грязи, а по этой грязи уже начинаю плавать и

я»²¹. Те же ноты и в его стихах, датированных февралём 1928 года и адресованных Ивану Искре:

Плачут светом на углах фонари
Точно в тайге алмаз-самоцвет,
Далеко, далеко мне до Искры,
Я ведь в «ВАППе» телячий поэт²².

С. Дракин, который жил в Орле на улице 2-й Новосильской, 16, в письмах нередко высказывал жалобы: «я человек больной и нервный», «живу в тяжёлых условиях»²³, «нужны деньги платить за квартиру»²⁴. А уроженец села Теляжьего Василий Истомин в июне 1928 года просил направить его на учёбу в крупный город, потому что «в Ливнах для меня работа совсем не подходяща: ездить по Ливенскому уезду распространять литературу и канцпринадлежности, работать исключительно на % - 10 с литературы и 7 с канцпринадлежностей. Дорога (проезд) всё за мой счёт. В результате мне ничего не остаётся»²⁵. В апреле 1929 года просил содействия в устройстве на один из уральских заводов и Николай Столяров из села Маслово Лошаковского сельсовета Орловского района: «В деревне скука, я оторван от всей культуры»²⁶.

Очевидно, что для большинства начинающих литераторов писательский труд был не только самореализацией творческих начал, но и неким социальным лифтом, который в обозримом будущем мог переместить их из рутинной реальности в куда более благоприятные условия жизни. Эти ожидания создавали общий настрой на необходимость создания в Орле полнокровной писательской организации, призванной

подтвердить особый статус провинциальных авторов. Однако в середине 1920-х годов вопрос о создании в Орловской губернии отделения ВАПП не был решён. Дело сдвинулось с мёртвой точки только после приезда в Орёл Ивана Искры.

Из Искры разгорался ОрлАПП

Иван Алексеевич Искра (настоящая фамилия Скрыбинский) родился в 1902 году в семье рабочего Усть-Катавского вагоностроительного завода на Южном Урале. По окончании заводской школы с июня 1916 года работал слесарем. Член коммунистической партии с 1917 года, в начале 1918 года ушёл добровольцем в Красную армию, воевал на разных фронтах. С 1921 года «на партийной, газетной и литературной работе»²⁷. В Орёл переехал в конце ноября 1927 года, а до этого был ответственным секретарём бюро Тобольского отделения УралАПП. На полпути, в Москве зашёл в правление ВАПП, где повидался с В. Киршоном и Ю. Либединским, рассказал им о том, что переезжает в другой город, где нет подобного отделения. Маститые литорганизаторы посоветовали «при наличии базы организовать АПП»²⁸. Кстати, именно в 1927 году были созданы губернские отделения Ассоциации пролетарских писателей в Тамбове и Курске²⁹, несколько ранее – в Туле (1926)³⁰.

По приезде в Орёл Искра стал заведовать информационным подотделом губкома ВКП(б) и одновременно занял должность ответственного секретаря губернского партийного журнала «Большевистское дело».

Заведующим организационным отделом губкома тогда был В.А. Дрокин, уралец, хорошо знавший Искру по прежней работе (до Орла Василий Андреевич в 1925–1926 гг. возглавлял окружной комитет в удмуртском Сарапуле). Кстати, после упразднения Орловской губернии Дрокин стал главой Орловского окружного комитета партии. Неудивительно, что он живо поддержал идею коммуниста-литератора и земляка Искры.

27 декабря 1927 года состоялось заседание секретариата Орловского губкома ВКП(б), постановившее: «Фракцию ВКП(б) Оргбюро отделения ВАПП утвердить в составе тт. Искра И.А., Пинчука Г.И., Целинова А. Поручить АПО [отделу пропаганды и агитации] губкома осуществлять руководство этой организацией»³¹. А несколькими днями раньше, 21 декабря 1927 года в газете «Правда молодёжи» было опубликовано сообщение Подчерневского (т.е. М. Киреева) «Организовалось Орловского отделение Всероссийской Ассоциации Пролетарских Писателей». В статье сообщалось об организации в Орле отделения ВАППа во главе с И.А. Искрой, секретарём был избран М.М. Киреев, членом бюро – Г.И. Пинчук. Состав отделения был утверждён в количестве 10 человек. Автор статьи подчёркивал: «Взаимоотношения между «Ярью» и отделение ВАППа мыслятся как взаимоотношения между рабфаком и вузом. «Ярь» будет готовить молодёжь для поступления в отделение ВАППа. Лучшие товарищи из «Яри» будут постепенно передаваться в отделение».

Сообщение в местной газете несколько предвосхитило событие. Орловская группа на заседании

секретариата правления ВАПП была утверждена только 23 декабря 1927 года. Членами заседания были Л. Авербах, А. Зонин, В. Киршон, Ю. Либединский, М. Лузгин, А. Серафимович, А. Фадеев. 28 декабря Киршон, Либединский и Фадеев послали приветственную телеграмму: «Орёл, губкому ВЛКСМ. Редакция «Правда молодёжи», группе «Ярь». Правление ВАПП приветствует группу «Ярь», желает большого творческого роста»³².

Как видим, поначалу чёткой разницы между группой «Ярь» и отделением ВАПП не существовало. Однако Иван Искра явно не хотел быть простым приложением к группе беспартийного Михаила Киреева. Как и советовали старшие товарищи, начать пришлось с создания «базы» для литературной жизни – таковой стали рабкоры плужного завода и обувной фабрики. Искра вспоминал: «Губисполком (тт. Поднек и Орлов) поддерживали просьбы литературной организации»³³, «из местной интеллигенции горячо отозвался учитель-литературовед Горовой, помогавший молодым рабочим авторам осваивать технику писательского ремесла. На 80 % кружковцы – рабочие ребята. Было несколько девушек. Помню работницу обувной фабрики Коняхину, писавшую неплохие стихи. За год работы литкружков города и области выявились 103 начинающих, пишущих товарища, а когда ОрлАПП открыла консультационное бюро, то за год было отрецензировано и даны советы по 407 стихам, рассказам и очеркам. Консультации по произведениям начинающих давали тт. Киреев, Искра, Пинчук, Басов и др.»³⁴ В течение первого полугодия 1928 года в Орле и ближайших уездах были организованы ещё три группы:

«Новь» (во Мценске), «Искра» (вариант – «Искры»), «Новая Ярь»³⁵. Иван Искра рисовал грандиозные планы, увлекавшие орловских литераторов. Серафим Чекулаев в 1928 году посвятил ему такие стихи:

Ты житейском нашем мире
Для писателей – награда:
Ты добудешь им квартиры,
Ты накормишь виноградом,
Ты поддержишь в нашем мире
Поэтическую радость³⁶.

Первым зримым достижением «новой жизни» орловских литераторов стало издание коллективного сборника «Ярь». Как без лишней скромности вспоминал Искра, «материальную сторону издания обеспечил И.А. Искра, исхлопотавший денежные средства от Орловского губисполкома»³⁷. Выпущенный в 1928 году сборник был приурочен к возвращению М. Горького из Италии, о чем свидетельствовало посвящение: «Первую книгу свою, первый плод трехлетней своей работы - Великому пролетарскому художнику слова, другу и учителю начинающих писателей – Максиму Горькому посвящаем. Члены Орловской группы «Ярь».

Маленькая книжица в 50 страниц вместила в себя стихи С. Чекулаева, Н. Столярова, А. Целинова, В. Тарасова, А. Хорькова, С. Дракина, А. Афанасьева, И. Харитонова, рассказы М. Киреева, В. Хохлачёва, И. Искры, В. Истомина, Н. Басова.

В середине марта 1928 года Искра и Киреев были делегатами съезда пролетарских писателей Черноземья. Он состоялся в Воронеже, на нём делегатами на съезд в

Москву были избраны девять человек, в том числе от орловской организации Искра (с правом решающего голоса) и Киреев (с правом совещательного голоса). А уже в мае 1928 года на объединённом собрании членов орловских литературных групп «Ярь», «Новь» и «Искра» отделение ВАПП было реорганизовано в Орловскую ассоциацию пролетарских писателей (ОрлАПП). С первых же дней писатель-коммунист Искра повёл борьбу за идеологическую чистоту. Поводом послужила безобидная, на первый взгляд, заметка Алексея Горового, напечатанная в «Орловской правде» под заголовком «Вниманию литературного молодняка!»: «Являясь представителем группы драматургов, работающих при Московском проекционном театре, наша тех-лаборатория в течение пяти лет работает над созданием новых, созвучных эпохе форм советской драматургии»³⁸. «Для переговоров» Горовой приглашал молодых авторов к себе домой – на улицу Ситниковскую, 3, с 4-х до 6-ти часов вечера.

Призыв А. Горового вызывал бурную реакцию у руководства ОрлАПП. В «Орловской правде» спустя неделю появилась реплика: «ОрлАПП считает, что этим обращение А. Горовой вводит только в заблуждение «рабоче-крестьянский молодняк», поддерживающий с ассоциацией пролетписателей самую тесную связь, и, наконец, мы сомневаемся в реальности помощи молодняку от этих «переговоров». Рабоче-крестьянский писательский молодняк должен учиться и идти под знамёнами ассоциации пролетарских писателей: только это знамя гарантирует каждому рабоче-крестьянскому писателю

правильный путь развития его творчества с созвучным эпохе содержанием его творческой продукции».

Сразу после этого, 27 июня 1928 года состоялось общее собрание литературной группы «Новь», где на основе рекомендации РАППа были пересмотрены состав и группы, и её бюро. Председателем избрали Н.К. Покровского (заведующий окружным музеем), секретарём В.Л. Чижова (сотрудник справочного отдела центральной библиотеки), членами бюро Кошеверова, Коняхина и Рыбкина. Всего в обновлённой группе насчитывалось 16 членов, собрания проходили в Доме работников просвещения два раза в месяц по четвергам.

Литгруппа «Новь» провела в Доме работников просвещения литературный вечер, посвящённый 11-й годовщине Октябрьской революции. В программе значились: лекция С.И. Горового «Пролетарская литература и литературная группа «Новь»; читка произведений членов группы. Этим вечером кружковцы хотели положить начало проведения в рабочих и заводских клубах ряда подобных встреч, открытых для всех желающих. Группа вела переговоры с писателем Ф. Панфёровым о его приезде в Орёл для участия в вечере по обсуждению романа «Бруски». Однако этим планам не суждено было исполниться. В сложной обстановке 1928 года группа «Новь» стремительно теряла позиции, а Искра резко набирал вес и не только в пределах упраздняемой Орловской губернии, но и в куда более широких масштабах.

Региональная интрига

Громкие заявления руководства страны о создании Центрально-Чернозёмной области и ликвидации соответствующих губернских границ весьма встревожили опытного партработника Ивана Искру. К тому времени он уже лишился поста в потерявшем всякое значение губкоме партии и трудился секретарём партийной ячейки на обувной фабрике. Необходимо было составить и реализовать план переезда в столицу ЦЧО Воронеж. 15 мая 1928 года Искра написал письмо Максиму Подобедову в Курск: «Вопрос с организацией нашего ВАППовского областного центра встаёт на очередь дня. Сегодня я ночь не мог спать. И решил: написать в Правление ВАППа письмо, копию которого тебе посылаю. В своём письме я откровенно сказал, что Прутковский (правильно: Прудковский – руководитель Воронежской АПП. – А.К.) и Русанова на работу по организации областного центра не годятся. Давай будем ждать результата из правления»³⁹. Замысел заключался в том, чтобы при одобрении центрального руководства ВАПП выйти на властные структуры ЦЧО и получить для писательской организации бюджетное финансирование и штатные ставки. «Единицу можно пристегнуть или к газете, или к облоно», - практично заметил Искра⁴⁰.

Искренне преданный коммунистической идее, Иван Искра не случайно сомневался в «перспективах» Петра Прудковского и Анны Русановой. Прудковский был выходцем из непролетарских слоёв, а Русанова – дочь известного воронежского врача – попала под подозрение в

связи с её намерением издать некую крамольную книгу. В частной типографии набор, по слухам, тайком рассыпали, но в Воронеже поговаривали о скором аресте юной поэтессы. И это в глазах литературного молодняка перечёркивало не только её поэтические способности, но и то, что Русанова дружила со многими ленинградскими и московскими поэтами, была знакома с Верой Инбер и Анной Ахматовой, Тихоновым, Пастернаком⁴¹ ...

В этот же день, 15 мая 1928 года Искра пишет в Воронежскую АПП: «Дорогие товарищи Прудковский и Русанова! Здравствуйте, ребятки! Как живы? У меня до Вас важное дело. Вопрос с районированием твёрдый. В июле будут уже окружные конференции, а в августе областная. Очевидно, придётся нам создавать вапповский областной центр. Об этом я написал товарищеское письмо в ВАПП. Если они предрешат вопрос с организацией областной ассоциации, то они должны Вам сообщить. Это срочно необходимо продвигать потому, что сейчас составляется областной бюджет и в него нам нужно включить во что бы то ни стало несколько платных единиц на вапповских работников (от 1 до 3-х). Ввиду предполагаемого переезда из Курска в Воронеж тов. Подобедова (кандидата в члены Правления ВАПП), ему придётся, очевидно, заняться, конечно, вместе с Вами организацией этого областного нашего центра. При условии, конечно, разрешения этого вопроса в положительном смысле в правлении ВАППа. Мы Подобедову (орловская, тамбовская и, очевидно, курская) посылаем доверенность, чтобы он от нашего имени орудовал там с платными единицами. Я думаю, Вы,

ребята, не обидитесь, что мы к этому делу пристёгиваем Подобедова, а не всецело поручаем Вам. Это по той причине, что Вам всё-таки по целому ряду причин будет трудно. Ну, будьте здоровы, не забывайте нас. Через неделю посылаем Вам наш литсборник. Крепко жму Ваши руки. С искренним уважением И.Искра»⁴².

25 мая 1928 года Искра написал своему тамбовскому коллеге по ВАПП Митропольскому: «Получил сегодня твоё письмо. Рад, что мы всё-таки начинаем жить дружно. Собственно говоря, нам делить-то нечего <...> Хотя слишком рано, но, я думаю, не мешает обменяться и насчёт работников нашего областного центра. По-моему, если переедет Подобедов в Воронеж, его можно использовать на руководящей работе временного Оргбюро (до созыва областного съезда). Подобедову будет помогать Мих. Киреев, он, очевидно, переведётся на работу в обл[астной] комс[омольской] газете. Подумайте над тем, чтобы парень-ТАППовец был в Воронеже. Если у Вас есть парень на «оргсекретаря», то это тоже неплохо. Одним словом, нужно обеспечить представительством из всех губерний, это особенно желательно при организации дела (чтобы не обижать кого-либо). Может быть, сам приедешь в Воронеж на газ[етную] работу? Сам Подобедов будет работать в Дорпрофсоже. Он как закультотделом не на последнем счету в ЦК железнодорожников, и, думаю, что на другую работу его не отпустят»⁴³.

Так, с помощью нескольких писем Иван Искра заварил нешуточную кашу. В бывших губерниях пошли разговоры о том, кто же станет во главе областной

писательской организации. Совместными усилиями орловские, курские и тамбовские функционеры теснили воронежских, к тому же и сами воронежцы проявляли всё больше интереса к соседям. К примеру, в ноябре 1928 года Л. Плоткин писал Искре: «Пришлите очерк о литературной работе в Орле. Хорошо бы дать беглый очерк творчества наиболее ярких орловских литераторов»⁴⁴.

Однако написать подобный очерк оказалось непросто. Сам Максим Подобедов признавался в письме из Курска 24 ноября 1928 года: «Друг Искра <...> все знают, что есть организации, есть писатели, а что это за писатели – никому неизвестно и даже нам самим»⁴⁵. Ещё более он был раздосадован, когда побывал в столице ЦЧО. Из письма Подобедова Искре из Курска 2 декабря: «Был недавно в Воронеже – там у них великолепнейшее расхлебайство. Кружки не работают, вапповцы друг друга почти не знают. В общем, положение такое же, как было и весной, если не хуже. Насчёт журнала Плоткин сказал, что всё это одни предположения, что вернее альманах разрешат только с выходом 2-3 раза в год. Это, конечно, худшее дело и худшее оно потому, что нет в Воронеже настойчивых, боевых вапповцев, могущих доказывать «недоказуемое». Как дела с твоим переездом в Воронеж? Хоть бы ты туда попал, а то дело хреновое»⁴⁶.

Итак, здесь впервые речь зашла о переезде Искры в Воронеж. Самое примечательное в этой переписке то, что Искру крайне мало волновала судьба Орловской писательской организации, которую он возглавил совсем недавно – в декабре 1927 года. Местная ячейка была

нужна ему как трамплин. И она эту роль выполнила в полной мере: 18 ноября 1928 года в Орле состоялось собрание литераторов города – делегатом в Воронеж на областной съезд пролетарских писателей были избраны Искра, а также Киреев, Афанасьев, Кошеверов, Калчанов, Тарасов. В разделе «Литературное прошлое и настоящее Центрально-Чернозёмной области» («Центрально-Чернозёмная область. Справочная книга», 1931 г.) отмечалось: «В декабре 1928 года в Воронеже состоялся съезд пролетарских писателей, избравший областное правление Ассоциации пролетарских писателей ЦЧО»⁴⁷. Соответственно ответсекретарём правления стал Подобедов, а Искра занял пост оргсекретаря и получил оплачиваемую должность в обкоме партии.

О съезде орловцам рассказал уже Михаил Киреев в статье «На трёх китах»⁴⁸: «т. Плоткин <...> нашёл немало недостатков в литстраницах окружных газет: стабилизация «имён» (печатаются почти одни и те же авторы), отсутствие художественного очерка, убогость критики, нерегулярность выхода и т.д.». Съезд⁴⁹ постановил издавать областной литературно-художественный и общественно-политический журнал, выпустить серию дешёвых книжек «наиболее выдающихся по ЦЧО пролетарских писателей». Концовка статьи Киреева была вполне оптимистичной: «Отрочески молодая Орловская ассоциация возмужает в борьбе с трудностями, стоящими на пути к гегемонии пролетарской литературы». Здесь же «Орловская правда» сообщила читателям: «В связи с отъездом в Воронеж председателя ОрлАППа т. Искры председателем ОрлАППа утверждён т. Киреев (кандидат в

члены правления областной АПП), ответ. секретарём – т. Хохлачёв».

Орловцы ждали благ от избрания Искры в руководящий орган. Однако события повернулись неожиданным образом. Можно предположить, что его не устраивала самостоятельность традиционно известной в Орле группы «Ярь» - её члены по-прежнему называли себя «ребята-яровцы», её лидер Михаил Киреев теперь стал во главе всего литературного движения в городе и округе. Буквально сразу после съезда в адрес орловцев из Воронежа полетели критические стрелы. Вчерашние соратники Искры в праздничный день (23 февраля 1929 года!) шлют ему открытку с необычным текстом: «Над открыткой склонились пышущие злобой, брызжущие слюной головы. <...> За что злишься? <...> Не раздувайте мировой пожар! С горы тормозите! <...> Мать вашу так! (классики тоже разошлись?)»⁵⁰ Открытку подписали Киреев, Хохлачёв и Лунин. 20 марта 1929 года датировано другое обращение Киреева к Искре: «Здравствуй, сердитый дядя!»⁵¹. Были и такие определения: «Привет тебе, пастор наш «большого» Орловского литературного гнезда»⁵².

Конфликт набирал обороты. Вместо того чтобы добраться до истины, воронежское руководство полагалось на авторитет Искры – ему лично поручается собрать необходимую информацию. В архиве сохранилось удостоверение от 21 мая 1929 года, подписанное М. Подобедовым: «оргсекретарь АПП ЦЧО тов. Искра И.А. командировается в гор. Орёл для обследования работы Орловской АПП»⁵³. Результаты этого обследования

оказались крайне негативными. В статье «О литературном фронте ЦЧО» (1930) Подобедов отмечал: «В Орле ассоциация пролетарских писателей совершенно почти развалилась, и её пришлось перевести на положение литгруппы»⁵⁴. Вторила ему и областная газета «Коммуна»: «Бывшее руководство Орловского окружного комитета [ВКП(б)] совершенно забыло о существовании ассоциации. Без материальной и идейной поддержки ассоциация ушла от общественности, замкнулась в себе, что сказалось и на продуктивности, и на характере творчества. Орловская организация правлением ВАППа и АПП ЦЧО переведена на положение литкружка, прикрепена к железнодорожному узлу, но где гарантия того, что этому литкружку будут помогать и руководить его работой»⁵⁵. Спустя два года писательский вожак Черноземья Подобедов высказался по этому поводу куда жёстче: «За правооппортунистическую практику, за отрыв от масс были переведены на положение литгрупп Орловская и Курская АПП»⁵⁶.

Однако критика общего плана далеко не всегда превращалась в критику конкретных орловских литераторов, да и сам Михаил Киреев не афишировал своего председательства в Орловской организации писателей. Например, в сборнике «Писатели ЦЧО» (1934) в автобиографии он в назывной форме просто перечислил основные вехи своего творческого пути: «...«Орловская правда». Работа в литорганизации. Из комсомола вышел в качестве переростка»⁵⁷.

В числе писателей и поэтов, которые «выявились» в областной газете «Неделя» и в сборниках АПП, авторы

книги «Центрально-Чернозёмная область» отметили М. Киреева и В. Хохлачёва⁵⁸. Л. Плоткин в обзорной статье «Заметки о литературе Черноземья» в альманахе «Звено» (Воронеж, 1930; здесь были напечатаны произведения многих орловцев, в частности проза Киреева, стихотворения Чекулаева «Ледоход» и Хорькова «Новая степь») с похвалой отозвался, в частности, о Хохлачёве: «Рассказы орловского пролетписателя Виктора Хохлачёва прежде всего выдают в нём проницательного и вдумчивого знатока человеческой психики (рассказ «Новое платье» - А.К.). Писатель обнажает скальпелем художественного анализа сокровенные тайники человеческой «души»⁵⁹. Однако Плоткин отмечал, что манера письма Хохлачёва далека от совершенства, ей присуща «некоторая абстрактность героев», многие персонажи оторваны от социальной среды, живут «вне времени и пространства». «Такой «уклончик» может привести автора к худосочному символизму»⁶⁰. Буквально по несколько слов критик сказал и об остальных орловцах: в стихах В. Тарасова «сквозят разноречивые влияния. <...> От бесконечного подражания Тарасова предохраняет его несомненное дарование <...> У С. Чекулаева есть любовь к слову и стремление свежо глядеть на вещи <...> Стихи Хорькова, Афанасьева и Щёлокова (Орёл) заслуживают всяческого внимания»⁶¹.

Однако воронежский литературовед Ф.И. Луценко спустя четыре десятилетия вынес куда более объективный «вердикт»: «Несмотря на разнообразие тем сборника, художественные достоинства произведений, помещённых в нём, были невысоки»⁶².

На закате ВАППа

Руководители Ассоциации пролетарских писателей всегда бравировали своей приверженностью коммунистическим идеям, стремлением привести в литературу автора из народа. Документы рубежа 1920-х – 1930-х годов свидетельствуют о том, как проводился в творческую жизнь принцип массовости. Показательный пример – «эпопея» с созданием литературного объединения в Ельце. Василий Истомин писал Ивану Искре в Воронеж 19 сентября 1928 года: «В общезнании Елецкого рабфака мы организовали литературно-художественный кружок, в который пока вошло 6-ть человек начинающих писателей. Некоторые из них уже печатались по несколько раз <...> Ходатайствуем перед литгруппой «Ярь» о зачислении членов нашего кружка: Малышева Моисея Дмитриевича, Иванова Тихона Ивановича (рабочий), Бысова Павла Тихоновича членами «Яри», которые желают активно работать в «Яри». Просим прислать нам руководство и список литературно-художественной литературы, которые мы будем выписывать на кружок»⁶³.

Однако срок деятельности рабфаковского кружка оказался недолог. 17 февраля 1929 года Истомин снова обратился к Искре: «У нас сейчас при Центральной библиотеке-читальне работает литгруппа, в которой я секретарём, дела идут вперёд. Состав группы до некоторой степени подходящий. Количество пока 15 человек, некоторые кое-где печатаются в газетах»⁶⁴. Спустя месяц елецкий активист информировал старших товарищей:

«Наша литгруппа «Октябрь» начинает работать. Чувствуется спайка, подобран хороший состав, на некоторых есть надежда, так что литстралицу будем выпускать регулярно своими силами»⁶⁵.

Схожая ситуация складывалась и во Мценске. Секретарь образовавшейся там литгруппы «Новь» Иноземцев писал Искре в ноябре 1928 года: «Напишите, если это вас не затруднит, <...> какие вы имеете виды на нашу литгруппу «Новь» и можете ли вы исполнить нашу просьбу зачислить в ОрлАПП»⁶⁶. В мае 1929 года Иноземцев снова обратился к Искре: «Во Мценске дела так себе. «Новь» перешла в клуб, ближе к массам, это хорошо. Но подошло «лето», и это плохо, «ребята» капризничают. Учёба срывается, и мы, актив, стоим перед «срывом работы». Нам нужно как-то уладить этот вопрос. Поднажми на орловцев, если это в твоей силе, пусть они приедут к нам в Мценск и сделают литвечерок, за публику ручаемся и за помещение»⁶⁷.

Как отмечал один из знатоков литературной жизни тех лет Валерий Кирпотин, «в РАППе много было журналистов, газетчиков, часто малоквалифицированных людей, написавших один-два рассказа, два-три стихотворения, опубликованных иногда лишь в районной печати»⁶⁸. Увы, этот просчёт стал понятен только к середине 1930-х, а поначалу «функционерам от литературы» казалось, что старую творческую интеллигенцию быстро и с успехом заменят «таланты от сохи». Например, в одной из воронежских книг 1931 года подчёркивалось:

«Осенью 1930 года АПП ЦЧО провела призыв в литературу и в настоящее время ведёт систематическую, планомерную работу литературную работу на предприятиях и колхозах ЦЧО, вербуя лучших ударников рабочих и колхозников в ряды пролетарской литературы. Заводы и колхозы ЦЧО уже выделили ряд начинающих писателей и поэтов, произведения которых печатаются в журнале «Подъём» и будут выпускаться отдельными сборниками»⁶⁹. При областном совете профсоюзов был организован «литкабинет ударника», который был призван организовать учёбу «ударников, призванных в литературу»⁷⁰. Несмотря на то, что творческий труд не обещает быстрых «всходов», партийные руководители торопили литфункционеров побыстрее рапортовать об итогах - как образно говорилось в те годы, «партия ставит перед нами задачу создания «Магнитоостроя литературы»⁷¹. Уже в декабре 1931 года на пленуме АПП ЦЧО докладывали: «Орловские заводы выдвинули несколько чрезвычайно способных ударников (Целинов, Юдкевич, Николаевский, Тарасов, Фомин, Карякин)»⁷² (некоторое время спустя оргкомитет Союза советских писателей ЦЧО постановил предоставить творческий отпуск «Юдкевичу (кирпичный завод в г. Орле)» в числе нескольких других рабочих-ударников, призывников в литературу⁷³).

Однако отмеченный успех орловских рабочих-литераторов не мог изменить общей оценки ситуации в Орле. Литературный вожак Михаил Киреев попал под огонь сокрушительной критики. Выступая на 2-м пленуме АПП ЦЧО (декабрь 1931 года), её председатель Максим

Подобедов с раздражением констатировал: «Возьмём наш областной журнал «Подъём». В нём мы допустили ряд ошибок, часть которых следует квалифицировать как проявление «гнилого либерализма». К таким ошибкам следует отнести помещение в журнале <...> рассказа «Покупка» Киреева (Подъём, [1931], № 2) <...> В рассказе «Покупка» показано, как активный комсомолец перерождается в мирого (так в тексте опубликованной в журнале исправленной стенограммы. – А.К.) обывателя, под влиянием бытовых условий. В рассказе не дано положительных героев комсомола, и потому рассказ объективно выглядит как обобщающая иллюстрация к троцкистскому тезису «о перерождении»⁷⁴. Негативно отозвался о произведениях Киреева и такой авторитетный воронежский писатель, как Михаил Сергеенко: «С большими оговорками можно назвать очерком «Весну «Красной звезды» Киреева. Дав в начале картину пробного выезда колхозников на весенний сев, Киреев переходит к сухому изложению истории коммуны «Красная звезда» и к констатации её производственных достижений»⁷⁵.

В опубликованной в «Подъёме» в начале 1932 года статье о проведении творческого смотра молодёжной литературы подчёркивалось: «Недопустимо медленно проходит работа смотра в Орле, Тамбове, Курске и других крупных городах ЦЧО»⁷⁶, вторила и следующая публикация журнала: «Орловская АПП не включилась в творческий смотр, не использует районную печать как трибуну для развёртывания одной из форм марксистско-ленинского воспитания»⁷⁷. Естественно, что ни Киреев, ни

кто-либо другой из орловских литераторов не был избран на пленуме в состав бюро правления АПП ЦЧО.

А вот ленинградский журнал «Резец» в 1931 году весьма позитивно писал о литературной ситуации в Орле: «За последнее время работа центральной орловской литгруппы «Удар» неуклонно растёт. Собрания группы целиком посвящены беседам о творческих путях пролетлитературы и разборам произведений начинающих <...> Сейчас литгруппа взяла шефство над заводской печатью путём прикрепления к стенным и печатным газетам отдельных товарищей. Под непосредственным руководством группы работают 3 литкружка, объединяющих около 40 рабочих-писателей»⁷⁸. В заметке также сообщалось о том, что при редакции «Орловской правды» создана литконсультация, готовятся материалы для областного литературного альманаха и «журнала ударника».

Стальное перо № 1 Михаил Киреев

Конец РАППовским разноречивым оценкам положило известное постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (апрель 1932 г.). Оно же круто изменило творческую судьбу Михаила Киреева - с него было снято большинство обвинений, более того, главный критик орловского писателя воронежец Максим Подобедов не только остался без руководящего поста в распущенной ассоциации пролетписателей, но и был снят с должности редактора журнала «Подъём». А новый редактор Владимир Егин

посвятил Михаилу Кирееву обширную статью⁷⁹. Основное её содержание – беглый пересказ произведений Киреева. Отметим, что большинство рассказов Киреева в начале 1930-х годов первоначально публиковалось в «Орловской правде». Рассказ «Червяк» был напечатан в литературном альманахе АПП ЦЧО «Звено» (Воронеж, 1930), рассказ «В новых стенах» - в литературном сборнике АПП ЦЧО «Подъём» (Воронеж, 1930), очерк «Последние» - в воронежском журнале «Колхоз» (1932, № 5). Публикации Киреева в журнале «Подъём»: «Покупка» (1931, № 2), «Думай, сосед» (1931, № 11 – 12), «Бабы», (1932, № 6 – 7), «Яма» (1932, № 11 – 12), «На линию» (1934, № 1), очерки «Весна «Красной звезды» (1931, № 4 – 5), «Хозяева» (1933, № 3).

В статье Егина о Кирееве заслуживают внимания оценки, данные автором перспективному орловскому литератору: «прекрасный рассказ» [«Думай, сосед»], «его миниатюры напоминают эскизы, зарисовки на ходу, моментальные снимки», «предельно краткие вещи Киреева многое рассказывают о жизни современной деревни, её классовый борьбе», «показывает страшную силу косности, закоренелых предрассудков, мелкособственнической, хозяйской психологии. Киреев непобедим в своём доказательстве от обратного», «наиболее яркой чертой дарования Киреева является его работа над словом. Слово у него свежее, своеобразное, мир видит насыщенно-красочно». Прошёлся Егин и по вчерашним критикам своего подопечного: «они обвинили Киреева в троцкизме, а себя – в недостаточной классовой бдительности <...>

Путаный рассказ Киреева сбил с толку наших критиков. Но не всякая путаница есть троцкизм».

Егин высказался однозначно по поводу дальнейшей творческой судьбы орловского самородка: «должен пойти от эскизов к большому полотну, к законченной картине <...> [создать] значительное произведение о современной деревне <...> о современной колхозной стройке, так как у него имеются предпосылки к созданию значительного художественного произведения»⁸⁰. Напомним, что эти многообещающие строки были напечатаны в начале 1933 года, только-только стала достоянием читателей первая книга шолоховской «Поднятой целины», ещё не вышли в свет «Энергия» Ф. Гладкова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогическая поэма» А. Макаренко, «Моё поколение» Б. Горбатова и т.д.

Примечательно, что, несмотря на жёсткие рапповские оценки творчества Киреева, довольно тепло о нём отзывался ещё в 1930 году Л. Плоткин в обзорной статье «Заметки о литературе Черноземья» в альманахе «Звено»: «Замечательно, что Киреев умеет показать классовую борьбу не только на фронте, когда красное и белое очерчено рельефно и густо, но и в быту, но и тогда, когда борьба эта скрывается в хаосе будничных мелочей и обыденных житейских столкновений <...> Да, в рассказе [«Портфель»] доподлинная классовая борьба <...> Киреев ищет не только острых и значительных тем. Он пристально внимателен к языковым богатствам литературы. Киреев много работает над своей писательской манерой и тонко шлифует художественную деталь. <...> Свежих, удачных мест у Киреева немало.

Конечно, это не значит, что у него нет изъянов; но упорная работа Киреева над идеологической закалкой своих вещей и над формальной их доброкачественностью бодрит и обнадёживает»⁸¹.

Киреев, действительно, оказался надеждой всей литературной когорты ЦЧО. Его первая книга рассказов «На линию» была издана в 1934 году в Воронеже, куда к тому времени автор переехал из Орла. Само по себе издание невелико – уменьшенный формат, всего 102 страницы, вместившие рассказы: «Думай, сосед», «Бабы», «Яма», «Ванька плетень», «Дитё», «В своих местах», «На линию». По сути, почти все они – подражание Ивану Вольнову, незамысловатые картинки того, как плохо жилось орловскому крестьянину до коллективизации и как ныне жизнь вроде бы устраивается. Лейтмотив книги – классовая борьба в деревне. Классовым врагом является бывший лавочник, не путивший в свой дом сбившегося с дороги в лютый мороз кооператора («В своих местах»); кулак, идущий на убийство ради спрятанного от колхозников хлеба («Яма»). Эскизно даны образы крестьян-бедняков, начинающих поддерживать колхозы («Думай, сосед», «Бабы»). Последний рассказ «На линию» – о том, как женщину с ребенком бросил муж. Она пошла было в проститутки и совсем отчаялась. Зимним вечером увидела дом с морем огней – Дворец культуры железнодорожников (некая замена храма?). Потом пошла к брату за помощью... Повествование завершает эпизод – героиня уже в бригаде и чистит снег на трамвайной линии. Теперь у неё всё хорошо.

А вот как книга анонсировалась тогда в специальном бюллетене ЦЧО для сети книготорговли: «Тематика первых шести рассказов связана с борьбой старого и нового в деревне, с преодолением в колхознике – вчерашнем единоличнике – собственнической психологии. Рассказ «На линию» посвящен переделке человека с отсталым мещанским укладом под влиянием пролетарской среды и труда. Рассказы Киреева интересны по содержанию, язык живой, красочный. Рассчитаны на массового читателя»⁸².

В № 6 журнала «Подъём» за 1934 год в самом конце номера в рубрике «Хроника литературной жизни ЦЧО» была напечатана короткая заметка: «Оргкомитет Союза советских писателей утвердил членами союза гг. М. Киреева, Л. Завадовского, О. Кретову и Л. Плоткина. Девять человек приняты в союз в качестве стажёров».

Воронежский драматург Николай Задонский в 1934 году не был принят в союз, ему «присудили» лишь звание стажёра (кандидата). С обидой Задонский отправился в Москву к секретарю Союза писателей А.С. Щербакову. Характерен ответ функционера: «Вы ещё молодой человек, и большой разницы между членом Союза и кандидатом не вижу, а годика через два – постараетесь, напишете ещё лучшую пьесу – утвердят вас и членом»⁸³. Обратим внимание на те факты, что Задонский был на несколько лет старше Киреева, что у Киреева была всего одна книга, а у Задонского – несколько, да и стаж работы в печати у Задонского едва ли не вдвое превышал аналогичный у Киреева.

В том, что орловец Михаил Киреев был принят в Союз едва ли не первым в обширной Центрально-Чернозёмной области, сыграл свою роль известный советский писатель Фёдор Панферов. Его пребывание в столице Черноземья особо отметил редактор областной газеты «Коммуна» А.В. Швер, выступая на Всесоюзном совещании председателей республиканских, краевых и областных оргкомитетов Союза советских писателей (июль 1933 года): «У нас в ЦЧО после решения ЦК значительно оживилась литературная жизнь. Огромное значение имело и то обстоятельство, что в течение полугода в Воронеже жил Панфёров и принимал активное участие в наших вечерах и собраниях»⁸⁴. Не случайно Панфёров был избран делегатом XVII съезда ВКП(б) от партийной организации ЦЧО (1934 год).

Панфёров заметил Киреева, исключительно высоко оценил его рассказ «Думай, сосед», дал рекомендацию для вступления в Союз советских писателей. К тому же Киреев был избран делегатом первого всесоюзного съезда писателей от ЦЧО с правом решающего голоса (примечательно, что бывлой литвожак области Максим Подобедов довольствовался на съезде лишь голосом совещательным).

И снова возникает вопрос: сколько же раз публиковался рассказ Михаила Киреева «Думай, сосед»? Впервые он был напечатан в «Орловской правде» в 1931 году. Затем в «Подъёме» (1931, № 11 – 12), в столичном «Октябре» (1932), в московском альманахе «Наше поколение», в сборнике М. Киреева «На линию» (Воронеж, 1934), вошёл в альманах молодых писателей и в

сборник «Писатели ЦЧО» (обе книги - Воронеж, 1934), выпущен отдельным изданием в Курске⁸⁵, был напечатан в сборнике М. Киреева «Рассказы» (Нальчик, 1941). Таким образом, рассказ начинающего провинциального автора всего за десять лет был опубликован как минимум девять раз в пяти городах страны (!). И это при несомненном бумажном голоде в СССР, всевозможных цензурных препонах, изменениях идеологических приоритетов и т.д.

Запретное слово

В 1933 году Николай Романовский опубликовал в «Подъёме» большую статью «Орловские поэты»⁸⁶. В 1920-е годы Романовский жил в Орле, затем в Курской губернии, дела здесь первые шаги на литературном поприще, и, по-видимому, знал многих орловских и курских коллег. Воронежский критик обратил внимание читателей журнала на творчество орловцев С. Юдкевича (его стихи периодически печатались в «Подъёме»), М. Толстова, Б. Николаевского, А. Целинова. Микрорецензии Романовского носили весьма критический характер. К примеру, воронежский литературовед рассмотрел такую строфу из стихотворения Семёна Юдкевича:

Небеса не жалеют вод
На кирпичный, на наш завод.
Стеллажи холодит сквозняк,
Но бригаде сквозняк – грош...

Романовский пишет: «Мало того, что бригадники здесь выступают в образе «ура-молодцов», которым на всё

наплевать, но они ещё и обезличены, все слиты в один механизм, которому приданы переживания автора».

А по поводу «Стихов о кирпиче» Целинова («У сараев сожмались бока, до отказа закрыты люка...»), критик сказал так: «господствует тот же безудержный восторг, подкреплённый скаковым ритмом». Романовский с иронией цитирует стихотворение Целинова о вредителях (!?):

Недодали семь тысяч вчера,

Поломалась у шнека часть:

Кто-то бросил стали кусок,

У цилиндров вырвало бок.

Значит люди такие есть –

Их работа – заводу месть.

Ещё больший сарказм у автора рецензии вызвали строки М. Толстова:

Как герой настоящий

Он в труде забывает о всём

И бывает в цеху некурящим

Семь ударных часов.

Он работать отлично умеет

Лучше тех, кто маляр много лет,

И быстрее у него зеленеет

Плуга чёрный скелет.

«Досталось» в «Подъёме» и известному в Орле поэту Борису Николаевскому. «Неумение» – так однозначно охарактеризовал Романовский следующие строки:

Три года уж с тысячами другими

Я строю социализм,

Шагаю вовсю по ударным дням,

А путь их не лёгок, не ровен,
За это и месячным отпуском я
Товарищами премирован.

Общий вывод критической статьи: «Недостатков много, они свидетельствуют о необходимости серьёзной и плановой работы над каждой строчкой стиха. К этой работе нужно привлечь слои советской интеллигенции, связанные с литературой, имеющиеся в Орле, нужно внимательнее обсуждать продукцию поэтов на собраниях литкружков, сделав главный упор на качество. Лучше меньше, да лучше»⁸⁷.

Спустя десятилетия мы знаем о том, что с Орлом тогда был тесно связан Павел Шубин, который родился в 1914 году в селе Чернава Елецкого уезда, учился в Ельце, а затем уехал в Ленинград, где работал слесарем на заводе, учился в техникуме, в 1933 году поступил на филологический факультет ленинградского вуза. Павел Шубин написал стихотворение «Орёл»: в предвоенные годы эти строки стали широко известны, в них поэт признавался в любви к провинциальному городу, давшему в путёвку в жизнь многим героям современности:

Площадь за водонапорной башней,
Городок в черешневых садах,
Ты минутой прожитой, вчерашней
От меня уходишь навсегда.

Чтобы померещиться неожиданно
На пути, в бессонных поездах,
Улицей Тургеневской в каштанах,
Липами «Дворянского гнезда» <...>.

И от пустырей его просторных
В мир – поющий, выпуклый, цветной –
Сто дорог легло прямых и торных
Для мальчишки с улицы одной.

Но и всё измерив новой мерой,
Не отдам тебя во власть годов,
Первая моя любовь и вера,
Светлый город яровых садов.

В 1933 году в Орле жил талантливый поэт Владимир Кемецкий. Увы, рецензент «Подъёма» Н. Романовский в силу понятных причин не мог посвятить ему даже несколько строк. В пятитомнике «Реквием» указано, что Владимир Свешников (его настоящая фамилия), уроженец Ленинграда, 1902 г.р., сослан в 1927 году на Север. Запрос автора этого очерка в управление ФСБ по Орловской области позволил узнать чуть больше о Свешникове. Оказалось, что в 1927 году он действительно был арестован, но не в Орле, а в Харькове. И отбывал срок на Соловках в одной камере с будущим академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым...

Д.С. Лихачёв вспоминал: «Наши отношения с ним как-то очень быстро стали хорошими, дружескими, доверительными. У него обнаружился поэтический талант, по-видимому, сразу о себе заявивший и бесспорный... Он был принят в салоне Гиппиус и Мережковского, пользовался там большим успехом. Но вскоре почувствовал, что в салоне ему душно – душно нравственно... [Из соловецких поэтов] безусловно, самым

талантливым, изумительно талантливым и «настоящим» был Володя Свешников. В иных условиях ему принадлежало бы великое будущее. «Кемецкий» — это фамилия его матери и поэтический псевдоним).

В первоначальном, ещё «перестроечном» издании воспоминаний Д.С. Лихачёва и в мемуарах других узников Соловков указывалось, что Кемецкий был освобожден в 1931 году, но о дальнейшей судьбе ничего не известно. Теперь, благодаря находке в архиве Орловского УФСБ, мы знаем, что постановлением «особого совещания» от 14 февраля 1932 года Свешникову запретили проживание в 12 наиболее крупных городах СССР в течение трёх лет. Поначалу он поселился в Воронеже, но в тот голодный год существование бывшего зека в столице ЦЧО было невыносимым. Уехал в Орёл, где жил на 5-й Курской улице (ныне улица Фомина) в доме № 4 (теперь это территория гостиничного комплекса).

Арестовали Свешникова 6 февраля 1933 года. О себе он рассказывал следователю Орловского ГПУ 29 марта 1933 года: «В 1920 году я совместно с белыми эмигрировал на пароходе «Габсбург» из Одессы, где проживал совместно со своими родителями в течение 1919-1920 годов, в Константинополь. Отец мой — журналист, мать — в прошлом артистка Большого театра. Родители умерли от тифа в Одессе. <...> в Берлине работал в редакции газеты «Накануне»⁸⁸.

Орёл в начале 1930-х годов был местом ссылки для многих представителей творческой интеллигенции. Не по своей воле попал сюда Александр Васильевич Туфанов (1877-1941) — поэт, теоретик искусства. В Ленинграде он

основал творческую организацию «Орден заумников DSO» (1925), куда некоторое время входили будущие обэриуты Даниил Хармс и Александр Введенский. Автор поэмы «Ушкуйники» (1927), Туфанов в 1931 году был арестован вместе с обэриутами и другими сотрудниками Детгиза был арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционном заговоре. Туфанов признал, что «вся поэма, написанная методами и приемами поэтической зауми, переключает современную советскую действительность на XV век, на эпоху борьбы Вольного Новгорода с Москвой, причем под дружиной «новгородских ушкуйников» мною подразумевается белая армия, а под Москвою XV века - Красная Москва, Москва Ленина и большевиков»⁸⁹. Отбывал срок в исправительно-трудовом лагере, после освобождения по инвалидности с 1933 по 1936 год жил в Орле, занимался переводами⁹⁰. 26 декабря 1933 года Туфанов записал в дневнике: «Ссылка в наши дни применяется к писателю, художнику, поэту и вообще интеллигенции - это прежде всего специфическая форма одиночества, которая приобретает особо острую форму у отбывших ИТЛ. Живёшь в какой-то психологически одиночной камере»⁹¹

Отметим также, что с конца 1932 по 1935 год в Орле жил крупный литературовед А.М. Путинцев (1880 – 1937), освободившийся из Свирьлага. В одном из петербургских архивов сохранилось письмо Путинцева из Орла к его коллеге А.Г. Фомину. Приведём в этом очерке отрывки из письма: «<...> С зимы 1932 – 33 г. я в Орле, сейчас работаю в Орлов[ском] педагог[ическом] институте, но при первой возможности перееду, по всей

видимости, в Ленинград <...> В течение своего пребывания в Орле без литер[атурных] занятий не сидел – занимался Белинским и Тургеневым. Работы мои появятся в «Лит[ературном] наследстве», «Звеньях» и друг[их] журналах. Кольцовым не занимаюсь, но интереса к нему не утратил <...> 29/1 -1934 г. Орёл»⁹².

Судя по вектору разысканий Путинцева в Тургеневской библиотеке, он прежде всего пытался вычленил библиотеку Белинского – в середине 1930-х годов она была «более актуальна». Когда исполнилось полвека со дня кончины И.С. Тургенева, газета «Орловская правда» 4 сентября 1933 года посвятила годовщине целый разворот. Была здесь опубликована и большая статья Алексея Михайловича «Местный колорит в творчестве Тургенева» (по чьей-то ошибке подпись автора на газетной полосе исказили – ПутиМцев).

Профессору удалось довести свой труд до логического завершения – он подготовил научное описание библиотеки Тургенева. Для одного из томов «Летописи Государственного литературного музея» Путинцев составил тщательно прокомментированное описание книг В.Г. Белинского на 325 машинописных страницах. Издание данного тома не состоялось, удалось лишь напечатать большое сообщение «Библиотека В.Г. Белинского» в «Литературном наследстве» (1935, т. 19-21). А ещё на основании обнаруженных на личных книгах И.С. Тургенева пометок и надписей, автографов Путинцев написал более десятка статей для сборников «Звенья». Статьи были приняты к печати, но, увы, не напечатаны.

Была орловская страница и в биографии Николая Матвеевича Гайденкова (1901-1969), который окончил историко-филологический факультет 1-го МГУ (себя и однокашников он полушутя называл «последними русскими философами»), преподавал в техникуме в Москве. Был арестован в феврале 1933 года как «член к/р организации христианской молодёжи, участник нелегальных собраний». В апреле 1933 года выслан из Москвы (запрещено проживание в 12 крупнейших городах СССР). В Орле жил до февраля 1936 года, непродолжительное время был преподавателем Орловской партшколы⁹³. В послевоенные годы преподавал в вузах Москвы, был известен как один из лучших специалистов в области истории русской поэзии. В 1955–1960 гг. был заместителем главного редактора журнала «Литература в школе», затем заместителем ответственного редактора журнал «Филологические науки»⁹⁴.

Тема участия репрессированных и сосланных в Орёл литераторов в местной творческой и научной жизни 1930-е годов изучена ещё недостаточно полно из-за скудости сохранившихся свидетельств. Возможно, здесь ещё будут открыты новые, неизвестные пока страницы.

Курские горизонты

В условиях немногочисленности творческих сил в начале 1930-х годов и отсутствия в Орле какой-либо литературной организации инициативу проявляла редакция местной газеты. В 1934 году «Орловская правда» объявила конкурс на лучший художественный очерк. Были заявлены следующие задачи конкурса:

«1. Показать ростки нового на производстве, в социалистическом сельском хозяйстве, в быту, культуре.

2. Поднять творческую активность производственных, совхозных, колхозных, красноармейских и школьных литкружков, выявить из среды рабселькоров новых способных к литературной работе товарищей, привлечь внимание начинающих писателей к актуальным темам современности».

Редакционный конкурс вызвал интерес в областном центре - Воронеже. Сосланный сюда из Москвы литературный критик Павел Калецкий (в Воронеже он активно выступал в областной печати, был редактором альманаха «Писатели ЦЧО», общался с О.Э. Мандельштамом) откликнулся на творческое состязание орловцев рецензией «Орловские очеркисты»⁹⁵. П. Калецкий в имевшейся у него подшивке «Орловской правды» прочитал 19 очерков и оценил прошедший конкурс как несомненную удачу: «Конкурс расшевелил литкружки, дал целевую установку молодым авторам, поднял их творческую активность... Опыт «Орловской правды» должен быть использован всеми районными газетами. «Орловская правда» показала, что из числа рабкоров, селькоров, военкоров газеты можно выдвинуть ряд способных авторов, которые сумеют ярко отразить наше социалистическое строительство, наших новых людей».

Литературный критик высоко оценил очерки Е. Ветровой «В садах», Ширванского «Кирпичики», Климова «Под красной звездой». Был высказан и ряд критических замечаний, например:

«Неплохой очерк Антонова «Новая изба» портит его сюжетная разбросанность. Павел всю жизнь мечтает о новой избе, так же, как мечтали об этом отец и дед. И только колхоз, сделав его зажиточным, помог осуществить эту мечту».

«Схематизм и поверхностность в показе образов свойственны и ряду других очерков: «Члены редколлегии» Городниченко, «Дружба» Гершуна, «Женорганизатор» Казанской, «Хозяин буксы» Дронова и т.д. И другая, общая беда орловских очеркистов – это неумение выбрать сами за себя говорящие интересные факты, которые сделали бы очерк занимательным, конкретным и ярким. Молодые авторы стремятся обобщить наблюдаемые ими факты; это, конечно, правильно, но в этом обобщении они часто теряют яркость индивидуального, смазывают красочность своего материала. Не умеют орловцы и сюжет крепко построить»⁹⁶.

Впрочем, критика эта была достаточно дружелюбной, о чём можно судить хотя бы по тому, что в «Подъёме» были перепечатаны очерки из «Орловской правды»: «В садах» Е. Ветровой («Подъём», 1934, № 4 - 5), «Новая изба» И. Антонова (1934, № 6).

С созданием Курской области (середина 1934 года) творческие силы новой административной единицы попытались самоорганизоваться, поднять свою работу на новый уровень. Сказывалось и то, что прекратил издание журнал «Подъём» и тем самым резко снизилась роль Воронежа, как объединяющего центра литературы всего Черноземья.

Во второй половине 1934 года заведующий сектором культуры и пропаганды ленинизма Курского обкома ВКП(б) обратился в правление Союза писателей СССР:

«В Курской области имеется несколько человек молодых и начинающих писателей (около 20-ти), печатавшихся как в областной, так – в республиканской и союзной прессе. Некоторые из них имеют свои печатные отдельные сборники и брошюры: 1) В. Иванилов, 2) В. Буняев, 3) И. Еськов, 4) Н. Коляструк и 5) М. Кочевой.

На всесоюзный съезд писателей от Курской области делегирован тов. Ив. Еськов.

В настоящее время писательский актив Курской области не оформлен в организационном отношении. Поэтому Сектор Культуры и Пропаганды Ленинизма Обкома ВКП(б) обращается к Вам с просьбой прислать Вашего представителя в г. Курск для организационной работы с молодыми и начинающими писателями, и крайне желательно, чтобы Ваш представитель сделал бы в Курске и Орле доклад о съезде писателей»⁹⁷.

Несколько слов об упомянутых в письме начинающих писателях. Иван Еськов – автор поэтического сборника «Сквозь бури и туманы» (Курск, 1928). Василий Ефимович Иванилов – автор изданных в Курске поэтических сборников «Вопли сердца» (1902) и «Голубые просторы» (1929)⁹⁸. О М. Кочевом точных сведений нет, в начале 1930-х годов некий М. Кочевой издал в Ленинграде ряд брошюр на темы индустриализации и коллективизации. Николай Дмитриевич Коляструк родился в 1909 году в Средней Азии, жил на Дальнем

Востоке, успешно дебютировал в Ленинграде повестью «Хлеб» (1931)⁹⁹. В начале 1934 года работал в «Курской правде», затем, видимо, после убийства С.М. Кирова был сослан в сельскую местность неподалёку от Орла¹⁰⁰.

По всей видимости, обращение Курского обкома возымело действие. Уже 3 ноября 1934 года в Курске состоялось собрание партактива. Выступая на нём с докладом «О художественной литературе», Фёдор Панферов специально заметил, что литература создаётся не только в столицах, что местным писателям надо оказать необходимую помощь с тем, чтобы превратить Курск в «литературный центр области»¹⁰¹. Вскоре при областном издательстве было создано литературное объединение, в которое вошли: приглашённый из Воронежа Михаил Киреев, куряне Михаил Горбовцев, Михаил Козловский, поэты Михаил Дорошин, Николай Корнеев, критик и фольклорист Пётр Бульбанюк и другие¹⁰².

4 января 1935 года «Курская правда» опубликовала отчёт В. Егина со слёта молодых авторов Курской области «Как и о чём писать» (автор, сам участник слёта и член оргкомитета, предпочёл подписать публикацию прозрачным псевдонимом «Вега» (т.е. В. Егин)). Судя по отчёту, в слёте участвовал Фёдор Панфёров – встречали его овацией (затем он несколько раз выступал в Курске на областном съезде Советов, на крупных совещаниях).

В выступлении на слёте редактор «Курской правды» Владимир Князев заявил: «Газета [«Курская правда»] взяла на себя почин в собирании молодых литературных сил области... Тяга к писательству огромна.

Необходимо создать литературный центр области, который бы мог бережно выращивать всё талантливое».

Слёт избрал областной оргкомитет Союза писателей «в составе т.т. Князева (председатель), Михаила Киреева (член Союза Советских Писателей, вышедший из литературной организации Орла), Буняева, Егина и Астанина (Орёл)»¹⁰³.

Примечательно, что абсолютно все из перечисленных литераторов Курской области были так или иначе связаны с Орлом. Например, В.И. Князев в 1930 – 1932 годах работал редактором газеты «Орловская правда», бывший редактор и член редколлегии журнала «Подъём» В.Н. Егин в 1935 году был исполняющим обязанности редактора «Орловской правды», В.С. Буняев работал ответственным секретарём «Орловской правды», а А.В. Астанин родился в Орле, был журналистом «Орловской правды».

Становление литературной организации в Курске шло с большим трудом. Власть ставила перед ней прежде всего политические и производственные задачи. Характерна хроника литературной жизни, опубликованная в «Курской правде» 29 августа 1935, одну из заметок приведём полностью и дословно: «На областной конкурс пьес по свеклоуборочной поступило свыше 30 рукописей».

И всё же оргкомитету удалось издать в сентябре 1935 года достаточно содержательный литературно-художественный сборник «Утро» (издательство «Курская правда»). В его редколлегию вошли А. Астанин, В. Буняев, В. Егин, М. Киреев, В. Князев (ответственный редактор). Здесь были напечатаны рассказ Михаила Киреева «У

родных» (этот же автор под псевдонимом М. Подчерневский поместил в сборнике очерк о прототипе главного героя романа М. Горького «Мать» П. Заломове), несколько стихотворений Серафима Чекулаева¹⁰⁴, стихи Александра Астанина «Вечер», «Старому каменщику», «Отцу», Бориса Николаевского «Разговор с сыном», «Встреча зимы», «Зрелость», «Наша осень», Семёна Юдкевича «О смелости», рассказ Андрея Лунина «Солнце», рассказ Сергея Белякова «Сын», рассказ Василия Буняева «Снайпер». На последних страницах сборника сообщалось о том, что уже печатается детская книга С. Юдкевича и Б. Николаевского «Васяткина дружба», готовится к печати сборник рассказов М. Киреева «В родных местах».

Примечательно, что в сборнике «Утро» не нашлось места для произведений уже довольно известных орловских авторов, печатавшихся прежде в журнале «Подъём»: И. Антонова, Б. Гершуна, А. Целинова. Вскоре после убийства С.М. Кирова, в январе 1935 года в редакции «Орловской правды» было «раскрыто» «полное моральное и бытовое разложение работников». Согласно постановлению бюро Орловского горкома ВКП(б) был снят с работы и исключён из ВКП(б) «как изменник-выродок партии» заместитель заведующего сельскохозяйственным отделом А. Целинов¹⁰⁵, снят с работы заведующий этим отделом И. Антонов, перед горкомом комсомола поставлен вопрос об исключении из ВЛКСМ Б. Гершуна и С. Юдкевича¹⁰⁶. Практически полностью был обновлён штат редакции.

Наряду с «разгромной» ситуацией в Орле предпринимались попытки оживить литературную жизнь в

сельской местности. Представитель оргкомитета Союза советских писателей Курской области Михаил Киреев 17 апреля 1936 года писал редактору залегощенской газеты (ныне территория Орловской области) Ивану Полеву по поводу двух присланных номеров местной «Литературной газеты» (её также редактировал Полев):

«В принципе нельзя не приветствовать инициативу группы товарищей, решивших организовать литгазету в одном из глухих районов нашей области. Но дело в следующем: уж так ли у вас настоятельна нужда в таком издании? Нам кажется, что Ваша литгазета возникла очень искусственно. Приехали два-три бойких на перо товарищей – дело зашумело. В этом нас убеждает напечатанный материал. Газета переполнена произведениями Колястряка (правильно: Коляструк. – А.К.) и Катаркевича.

Материал, печатаемый Вами в специально организованном литературном органе, с успехом рассосётся в районной партийно-советской газете, – разумеется, не весь, а лучший из него.

Мы представляем реально такое положение: 5-6 товарищей в районе пишут более менее сносные очерки, стихи, пробуют писать рассказы. Им вполне достаточно будет своей районной газеты. Лучшие из них, наиболее квалифицированные должны искать выход своей продукции за пределами района – в «Курскую правду», в курский альманах «Утро», в курскую комсомольскую газету «Молодая гвардия», в московские издания. А у Вас что получается? Своя газета, печатай что хочешь.

Название «Литературной газеты» обязывает ко многому, тем более что наш теперешний читатель, даже

живущий в самом глухом районе, никакой стеной от настоящей культуры не отделён. Он имеет возможность читать настоящую «Литературную газету», настоящие советы о литературном творчестве»¹⁰⁷.

Весьма критично отозвался Киреев и о конкретных публикациях районной «Литгазеты»: «Будни» - Н. Колястриюка. Написаны гладким литературным языком. Но содержание оставляет желать много лучшего. Так писали раньше о деревне заезжие, уставшие от шумного города бары и барчуки или интеллигенты с расстроенными нервами, желающие отдохнуть «на природе». Созерцательное любование сельской экзотикой, колхозными девчатами – любование скабрёзного порядка. Вот как осматривает герой очерка колхозную девушку: «Я осматривал Леночку всю с головы до ног, почти ощущая, как отражается в моих глазах её фигурка – небольшая, стройная, гибкая, с хорошо развитыми ребрами (последнее слово зачёркнуто. – А.К.) бёдрами и твёрдой девичьей грудью». От такого рассматривания героиня очерка густо покраснела. Ещё бы! Пусть бы товарищ Колястриук (здесь фамилия написана правильно. – А.К.) показал лучше, как эта Леночка работает и борется за колхозное процветание, как она растёт культурно»¹⁰⁸.

Замечания были высказаны также в адрес других авторов газеты – Катаркевича, Андреева, Н. Букреева. Киреев подытоживал: «Коллективу начинающих писателей Залегощенского района не надо увлекаться собственной «Литературной газетой», В первую голову надо наладить литературную учёбу. Пусть товарищи, взявшиеся за перо литератора, прилежнее засядут за

книги. Сейчас есть прекрасные пособия по литературной учёбе. Мы думаем, что они Вам хорошо известны.

Крепче свяжитесь с нашим Оргкомитетом, присылайте свои произведения. Продумайте – целесообразно ли издавать Вам «Литературную газету». По-нашему, литстраница в районной газете – гораздо целесообразнее»¹⁰⁹.

Второй выпуск альманаха «Утро» вышел в Курске в 1936 году. Состав редколлегии – В. Егин (председатель), М. Киреев, Г. Питерский. Были опубликованы очерк Михаила Киреева «Алексей Стаханов», воспоминания П. Заломова, рассказ С. Белякова «Музыкант», рассказ М. Горбовцева «Заячий хлеб», в числе авторов сборника были также Николай Островский, Лев Кассиль, Михаил Козловский и другие.

25 января 1937 года на партийном собрании в редакции «Курской правды» заместитель ответственного редактора газеты по книгоиздательству Л.Л. Айзенберг вынужден был признать: «Работа с писателями у нас не проводится»¹¹⁰. А в резолюции партийного собрания редакции 17 апреля 1937 года было записано: «В ближайшее время при издательстве организовать литературный кружок, влив в неё (так в тексте. – А.К.) стахановцев предприятий, учащуюся молодёжь»¹¹¹.

«Орловские мы...»

27 сентября 1937 года по решению правительства была образована Орловская область. Предвоенная область была значительно больше современной – в её состав, кроме районов бывшей Орловской губернии, вошла также

часть районов бывших Воронежской, Калужской, Курской и Тульской губерний. Орловская область стала одной из крупных областей СССР: её территория превышала 67 тыс. квадратных километров, а население – 3,5 млн. человек. Включение в состав области таких городов, как Брянск, Орджоникидзеград (ныне — Бежицкий район Брянска), Клинцы, Людиново, существенно изменило экономическую структуру административного региона. В июле 1938 года был создан Орловский военный округ, объединивший несколько среднерусских областей.

В 1938 году в Орле начали издаваться областная молодежная газета «Комсомолец», окружная военная газета «Сталинец», активизировалась издательская деятельность. Издательство Орловского обкома ВКП(б) выпустило в 1938 году первый областной литературно-художественный сборник «Юность». В нём были опубликованы стихи Василия Гостева («Слово о Сталине»), Ивана Петрушина («Братья»), И.А. Глушникова («Боевые подруги»), О. Архангельского («Письмо»), проза орловских авторов. Вышли в свет книги А. Данилова «Старый и новый Елец», С. Семёнова, М. Марголина, Н. Сахарова «Город текстилей: Клинцы».

Новый статус Орла стал притягателен для многих авторов из разных городов – Брянска, Смоленска, Ельца. Судя, например, по рассказам такого не известного прежде литератора, как П. Лопатин, он приехал из Средней Азии. «Орловские мы...» - так называл в середине 1960-х годов очерк, приуроченный к 400-летию города Орла, известный литературовед Леонид Афонин. Сам он начинал свой путь в литературу в 1936 году с участия в литстудии «Орловской правды». Именно в конце 1930-х годов, после

десятилетия безвременья, понятия «орловский», «орловец» получили своё новое, областное звучание.

В Орле для того, чтобы объединить незнакомых людей, подготовить наиболее талантливых к вступлению в Союз писателей была создана областная литературная группа¹¹². Её первая заявка – выпущенный в 1939 году «Литературный альманах». Здесь были напечатаны отрывок из романа С. Леонова «Юность», рассказ Д. Головина «Гонец», стихи И. Петрушина и другие произведения. Во второй выпуск «Литературного альманаха» (1941) вошли повесть Е. Горбова «Куриная слепота», зарисовка Д. Головина «Люди нашего колхоза», рассказ П. Лопатина «Махау-кишлак», ряд материалов по истории краевой литературы.

Судя по тому, что в довоенных литературных альманахах Орла, в отличие от курских, не указывался персональный состав литгруппы или редколлегии, можно сделать вывод о том, что в орловской литгруппе отсутствовали «признанные авторитеты». После 1937 года в литературу в провинции шли совершенно новые люди, не имевшие творческого багажа (это и было их спасением в условиях масштабной фабрикации всевозможных «политических» дел). Столичные коллеги понимали эти обстоятельства и были снисходительны. Так, автор рецензии в журнале «Литературное обозрение» Я. Эйдельман писал: «Оставаясь на почве реальности, учитывая сейчас, главным образом, потенциальные возможности той или иной литературной группы, следует констатировать, что орловский альманах – несомненная удача <...> Он составлен грамотно, культурно, тематика

его разнообразна, большинство его авторов экономно обращается со словом, обнаруживает неплохую писательскую технику»¹¹³.

В числе изданных в предвоенном Орле книг можно назвать сборники «Песни советской молодёжи» (1938), «За советскую Родину: Рассказы о героизме участников боёв в районе озера Хасан» (1939), большой колхозный очерк П. Лопатина «Дело чести и славы» (1939), поэтический сборник И. Петрушина «Потомки Прометея» (1939). Характерный пример поэзии тех лет – стихотворение Петрушина «Строители», в нём всего восемь строк:

Вставая с постели рано
И поздно идя ко сну,
Мы на лебёдках и кранах
Поднимаем свою страну

Строители нашей жизни
Видим мы – каждый час
Могучая мать-отчизна
Сама поднимает нас¹¹⁴.

А вот другое стихотворение этого автора, собственно о потомке Прометея, представляет некий ребус для современного читателя. Написанное на пределе пафоса, это произведение в сборнике завершается следующими двумя патетическими строфами:

Он явился и шагнул к победам,
Дерзновенный Мыслящий Вперёд,
Человеческий великий род
Устремился за героем следом.

Он выводит к свету из потёмок,
Созывает всех в единый стан,
Полководец, гений и титан,
Прометея истинный потомок¹¹⁵.

Отдадим должное смелости провинциального автора, который нигде не называя имя Сталина, тем не менее сочинил настоящую оду генеральному секретарю (напомним, 1939 – год 60-летия Сталина). Однако стихи получились явно ходульными, а потому в «Литературном альманахе» предпоследняя строфа была опубликована в существенно изменённом виде:

Он шагнул – за ним сплочённо, следом
Двинулся уверенно вперёд
Человеческий великий род,
Двинулся к высотам и победам¹¹⁶.

Спустя пять лет образчик такой поэзии вполне мог бы претендовать на участие в конкурсе текстов гимна СССР, но тогда, в 1939-м, был воспринят местным читателем достаточно буднично. А столичный критик был беспощаден: «Большинство стихотворений [Петрушина] удивляют своей наивностью, даже беспомощностью, очень часто попадаются грубые прозаизмы, газетные обороты <...> Подобные вирши в изобилии вписывались в своё время в альбомы провинциальных девиц томными гимназистами-шестиклассниками. Гимнастическими же упражнениями выглядят и стихи Петрушина «Потомки Прометея», которые «встали с молотками (не молотами, а именно молотками!) и серпами, сбили цепи, сбросили орла», терзавшего Прометея»¹¹⁷.

Пожалуй, самым плодовитым автором в предвоенном Орле был В.А. Петрищев – автор книг «Брянск» (1938), «Обновлённый город [Дятьково]» (1938), «М.Ю. Лермонтов» (1939), «Игнат Фокин» (1939), сборника рассказов «Победитель» (1940), соавтор книги «Гигант индустрии социализма» (1940, к 75-летию комбината «Красный Профинтерн»). В литературно-художественном сборнике «Юность» (1938) был опубликован рассказ В. Петрищева «Бессмертие» (такое же название имел его сборник рассказов, изданный в Смоленске в 1938 году), в первом выпуске «Литературного альманаха» (1939) – подборка «Семь рассказов».

В.А. Петрищев работал редактором областного книжного издательства. Представляя читателям газеты «Комсомолец» второй выпуск «Литературного альманаха», Петрищев писал: «Уже рецензии на первый альманах (1939 год) в «Литературной газете» и «Литературном обозрении», наряду с серьёзной критикой отдельных произведений, отмечали, что ряд участников альманаха – на правильном пути творческого роста и что работа литгруппы заслуживает серьёзного внимания»¹¹⁸. Петрищев подытоживал: «Конечно, в публикуемых произведениях есть ряд серьёзных недостатков, на которые, несомненно, укажет читатель и критика по выходе альманаха. Эти указания помогут его участникам в их работе, помогут всем молодым писателям Орловской области работать над созданием полноценных художественных произведений»¹¹⁹.

Подводя итог развитию литературной жизни в Орле за полтора десятилетия (1925 – 1941), мы вынуждены констатировать, что она не была отмечена заметными событиями. Масштабный социальный эксперимент по «социалистической перестройке» краевой литературы завершился весьма скромным результатом. Примечательно и то, что практически все известные «действующие лица» литературного процесса в Орле тех лет (за исключением, пожалуй, Е. Горбова и Д. Головина) не стали участниками оживления местной творческой жизни в последующие годы – 1950-е и 1960-е. Уехал в Тамбов, а затем в Нальчик М. Киреев, в Тулу – С. Юдкевич¹²⁰, были репрессированы И. Антонов, Н. Бормотов, В. Буняев, Б. Гершун, Н. Городниченко, В. Егин, В. Князев, В. Петрищев, А. Светозаров, В. Свешников, погибли в годы Великой Отечественной войны А. Астанин, С. Беляков, Б. Николаевский, И. Петрушин.

События 1920-х – 1930-х годов подготовили почву для возрождения литературной жизни в Орле в 1950-е годы. Они по-своему оттенили непреходящую значимость русской классики, подтвердили несостоятельность вульгарных, механистических подходов к формированию творческой среды (например, кампании по «призыву в литературу», по «выделению заводами писателей», «свеклосахарные конкурсы пьес», боязнь «худосочного символизма» и т.д.). Ошибки и просчёты послереволюционных лет стали в какой-то степени уроком для тех, кто строил планы дальнейшего развития местной литературы.

-
- ¹ Подробнее см.: В.Громов. Здравствуй, город Тургенева! – Тула, 1967. – С. 115 – 116.
- ² С. Горовой. Современные орловские пролетарские поэты // Зелёный шум: Сборник произведений поэтов и писателей Орловской губернии. – Орёл, 1922. – С. 123.
- ³ О Б. Леонове подробнее см.: С.Г. Сизов. «XX век – не для камина»: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова. – Омск, 2008.
- ⁴ Земледелец и рабочий (Орёл), 1922, 9 марта.
- ⁵ Л. Плоткин. Заметки о литературе Черноземья // Звено. – Воронеж, 1930. – С. 116.
- ⁶ Цит. по: В.Громов. Здравствуй, город Тургенева! – Тула, 1967. – С. 122.
- ⁷ Новый путь (Орёл). – 1925 - № 1. – С. 23 – 24.
- ⁸ Там же.
- ⁹ А. Светозаров также автор содержательной статьи «Из литературного наследия И.Е. Вольнова» (Подъём, 1934, № 9).
- ¹⁰ Хрестоматия по истории Орловского края. Вып. II. (1917 – 1937 гг.). – Курск, 1975. – С. 198.
- ¹¹ Письмо И.А. Искры Н.М. Чернову, ноябрь 1959 г. // ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1561. Л. 1.
- ¹² Писатели Орловского края. – Орёл, 1981. – С. 269 – 271.
- ¹³ Писатели ЦЧО. – Воронеж, 1934. – С. 125.
- ¹⁴ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1561. Л. 2.
- ¹⁵ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3821/1.
- ¹⁶ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3821/3.
- ¹⁷ С. Горовой. Современные орловские пролетарские поэты // Зелёный шум. – С. 130 – 131.
- ¹⁸ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3823/3.
- ¹⁹ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3832.
- ²⁰ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3826. Л. 2.
- ²¹ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3826. Л. 3.
- ²² ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3826. Л. 6.
- ²³ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3831/2.
- ²⁴ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3831/1.
- ²⁵ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3819/4.
- ²⁶ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3820. В середине 1960-х годов Столяров был редактором журнала ВЦСПС «НТО».
- ²⁷ Искра И.А. Моя краткая биография, 1964 г. // ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3816.
- ²⁸ Письмо И.А. Искры Н.М. Чернову, ноябрь 1959 г. // ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1561. Л. 2.

-
- ²⁹ Центрально-Чернозёмная область. Справочная книга. - Воронеж, 1931. - С. 581.
- ³⁰ Милонов Н.А. Писатели Тульского края: Очерки по литературному краеведению. – Тула: Тульское кн. изд-во, 1963. - С. 193
- ³¹ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1562.
- ³² ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1549, ОФ-1550.
- ³³ Искра И.А. Несколько слов о литгруппе в Орле (1927-1928 гг.) // ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3815. Л. 2.
- ³⁴ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3815. Л. 3,4.
- ³⁵ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3815. Л. 2,3.
- ³⁶ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3821/2.
- ³⁷ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3815. Л. 2.
- ³⁸ Орловская правда, 1928, 20 июня.
- ³⁹ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3835/2. Л. 1.
- ⁴⁰ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3835/2. Л. 1об. Облоно – областной отдел народного образования.
- ⁴¹ Подробнее см.: Русановы: Из века в век. В 2-х т. Т. 2. – Воронеж, 1996.
- ⁴² ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3835/3.
- ⁴³ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3835/4.
- ⁴⁴ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3827.
- ⁴⁵ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3822/2. Л. 1.
- ⁴⁶ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3822/3. Л. 1.
- ⁴⁷ Центрально-Чернозёмная область. Справочная книга. - Воронеж, 1931. - С. 581.
- ⁴⁸ Орловская правда, 1929, 8 янв.
- ⁴⁹ В 1929 году в Воронеже, помимо региональной Ассоциации пролетарских писателей, было организовано и областное правление крестьянских, впоследствии колхозно-пролетарских писателей.
- ⁵⁰ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3823/1.
- ⁵¹ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3823/2.
- ⁵² ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3823/4.
- ⁵³ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-1562.
- ⁵⁴ Ленинский путь (Воронеж). – 1930. - № 4.
- ⁵⁵ В.Б. Началась чистка ассоциации пролетписателей // Коммуна. – 1930. – 8 янв. – С. 4.
- ⁵⁶ Подъём. – 1932. - № 2. – С. 51.
- ⁵⁷ Писатели ЦЧО. – Воронеж, 1934. – С. 125.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же, с. 105.
- ⁶⁰ Там же, с. 106.
- ⁶¹ Там же, с. 111-112.
- ⁶² Ф.И. Луценко. Журнал «Подъём» и литературная жизнь Воронежа 30-40-х годов // Вопросы журналистики. Вып. I. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1969. – С. 75.

-
- ⁶³ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3819/1.
- ⁶⁴ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3819/2.
- ⁶⁵ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3819/3.
- ⁶⁶ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3828.
- ⁶⁷ ОГЛМТ. Ф. 38. Оп. 1. ОФ-3835/1. Л. 1,2.
- ⁶⁸ В.Я. Кирпотин. Ровесник железного века. – М., 2006. - С. 285.
- ⁶⁹ Центрально-Чернозёмная область. Справочная книга. - Воронеж, 1931. - С. 581.
- ⁷⁰ Подъём. – 1932. - № 5. – С. 93.
- ⁷¹ Подъём. – 1932. - № 2. – С. 57.
- ⁷² Подъём. – 1932. - № 2. – С. 55.
- ⁷³ Подъём. – 1933. - № 7. – С. 117.
- ⁷⁴ Подъём. – 1932. - № 1. – С. 78.
- ⁷⁵ М. Сергеенко. За качество показа героев пятилетки // Подъём. – 1932. - № 2. – С. 82.
- ⁷⁶ Подъём. – 1932. - № 1. – С. 82.
- ⁷⁷ Подъём. – 1932. - № 3 - 4. – С. 95.
- ⁷⁸ Вл. Лозовский. Подготавливается журнал ударника // Резец. – 1931. - № 3. – С. 16.
- ⁷⁹ В. Егин. Михаил Киреев // Подъём. – 1933. - № 1-2. - С. 91 – 94.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Л. Плоткин. Заметки о литературе Черноземья // Звено. – Воронеж, 1930. - С. 104 – 105.
- ⁸² Краевая книга ЦЧО. - 1934. - № 5. - С. 8.
- ⁸³ Н. Задонский. Интересные современники. Любопытная старина. – Воронеж, 1975. – С. 60.
- ⁸⁴ Цит. по: В.Я. Кирпотин. Ровесник железного века. – М., 2006. - С. 242.
- ⁸⁵ М. Киреев, В. Потапов. Рассказы. – Курск: Книгоиздательство «Курской правды», 1935. В 20-страничной книге только два рассказа: «Думай, сосед» Киреева и «Мечь» Потапова.
- ⁸⁶ Н. Романовский. Орловские поэты // Подъём. – 1933. - № 1 - 2. - С. 95 - 99.
- ⁸⁷ Там же, с. 99.
- ⁸⁸ Архивная справка УФСБ по Орловской области № 10/8629 от 22 ноября 2007 г.
- ⁸⁹ Протоколы допроса А.В. Туфанова // Октябрь. – 1991. – № 11.
- ⁹⁰ Подробнее см.: Павлова Г.Н. Орёл 1930-х годов в письмах поэта А. Туфанова // История города Орла: события и судьбы. Материалы научно-практ. конф. – Орёл, 2012. – С. 219 – 228.
- ⁹¹ Цит. по: Павлова Г.Н. Указ соч. С. 222.
- ⁹² Письмо А.М. Путинцева А.Г. Фомину. Публикация М.Д. Эльзона // «Я Руси сын!..» К 150-летию со дня рождения И.С. Никитина. - Воронеж: Центр.-Черноз. кн. изд-во, 1974. – С. 203.
- ⁹³ www.pstbi.ru

---

⁹⁴ Памяти Николая Матвеевича Гайденкова // Филологические науки. – 1969. - № 1. – С. 142-143.

⁹⁵ П. Калецкий. Орловские очеркисты // Подъём (Воронеж). - 1934. - № 4 – 5. – С. 161 – 164.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Госархив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 287. Л. 64.

⁹⁸ Подробнее о нём: И. Баскевич. Курские вечера. – Воронеж, 1979, с. 69 – 70.

⁹⁹ Историко-культурная энциклопедия Самарского края. Персоналии Е-Л. – Самара: Самарский Дом печати, 1994, с. 256.

¹⁰⁰ С началом Великой Отечественной войны Николай Коляструк хотел уйти на фронт, но из Орловской области его отправили в глубокий тыл. В пути едва не умер: большого и истощённого ссыльного попросту оставили умирать на перроне Куйбышевского вокзала. Местная колхозница выходила его. В течение десяти с лишним лет жил в селе Хрящевка Ставропольского района, работал в колхозе «Первая пятилетка» конюхом, птичником, сторожем. С началом оттепели опубликовал в Куйбышеве ряд романов, в том числе «Земля отцов», «Односельчане», «Разорванный круг». Был принят в Союз писателей СССР. Умер в 1966 году. Судьбе Николая Коляструка посвящена поэма Валентина Столярова «Слово о разорванном круге» (Самара, 1991).

¹⁰¹ Ф. Панфёров. О художественной литературе (из доклада на собрании партийного актива 3 ноября 1934 г.) // Утро. Литературно-художественный сборник. Вып. 1. Сентябрь. – Курск: Издательство «Курская правда», 1935. – С. 155 – 167.

¹⁰² И. Баскевич. Курские вечера. – Воронеж, 1979, с. 115.

¹⁰³ Курская правда, 1935, 4 янв.

¹⁰⁴ В 1935 г. в Курске была издана книга стихов С. Чекулаева «Родина».

¹⁰⁵ После «ухода» из «Орловской правды» Целинов работал в Курске инструктором Лесдревпромсоюза, а затем был принят на должность литсотрудника сельхозотдела «Курской правды».

¹⁰⁶ О положении в редакции «Орловской правды». Постановление бюро Орловского горкома ВКП(б) от 23 января 1935 г. // ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 287. Л. 90 об.

¹⁰⁷ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 599. Лл. 55, 56.

¹⁰⁸ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 599. Л. 56.

¹⁰⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 599. Л. 57.

¹¹⁰ ГАОПИКО. Ф. П-1371. Оп. 1. Д. 11. Л. 66.

¹¹¹ ГАОПИКО. Ф. П-1371. Оп. 1. Д. 8. Л. 22.

¹¹² В Ельце в 1930-е годы работал в редакции газеты Е.К. Горбов, который в журнале «Подъём» опубликовал повесть «Чёрный князь» (1934, № 7–8) и

рассказ «Золотой век» (1935, № 7–8); в Ливнах - Д.И. Головин, печатавшийся в журналах «Подъём», «Безбожник», «Комбайн», «Лапоть».

¹¹³ Я. Эйдельман. Орловский альманах // Литературное обозрение. – 1940. - № 8. – С. 36, 40.

¹¹⁴ И. Петрушин. Потомки Прометея. Стихи (1934 – 1939). - Орёл, 1939. – С. 32.

¹¹⁵ Там же, с. 8.

¹¹⁶ Литературный альманах. – Орёл, 1939. – С. 90.

¹¹⁷ Я. Эйдельман. Орловский альманах // Литературное обозрение. – 1940. - № 8. – С. 38.

¹¹⁸ В. Петрищев. Свидетельство роста // Комсомолец (Орёл), 1941, 11 мая.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ В послевоенные годы Семён Михайлович Юдкевич публиковал стихи в «Тульском альманахе» (1948), в альманахе «Литературная Тула», написал пьесы «Расплата», «Дети семьи трудовой» (обе в соавторстве с Т. Ивановой), работал главным редактором Тульского областного книжного издательства, автор книг «Твоя любовь» (Тула, 1963), «Форт «Ольга» (Тула, 1967) (см. о нём также: Н. Милонов. Писатели Тульского края. – Тула, 1963).

Вестник
Орловского Дома литераторов

Выпуск 1-й

Фабрика новых писателей

**(из истории литературной жизни Орловщины
во второй половине 1920-х – конце 1930-х годов)**

Автор А.И. Кондратенко

Технический редактор С.А. Ветчинников
Дизайн обложки А.С. Ухин

Подписано в печать 12.11.2012 г. Формат 60x80 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объем 4,25 усл. печ. л. Тираж 50 экз. Заказ № 403

**БУКОО "Орловский Дом литераторов".
302028, г. Орёл, ул. Салтыкова-Щедрина, 1,**

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел./факс (4862) 44-51-46.

E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru